

М. Я. Сюзюмова) очень хорошо показано влияние славянского вторжения на складывание в Византии феодальных отношений.

Только с момента вторжения славянства, расшатавшего, хотя и не разрушившего, государственную машину рабовладельческой Византии, можно говорить о росте феодальных отношений в Византии.

А. П. Каждан.

ÉTUDES PALESTINIENNES ET ORIENTALES.

Robert Devreesse *Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945, pp. XIX+340.*

Антиохийский патриархат уже по связи со своим центром — городом Антиохией — должен был играть выдающуюся роль на Востоке. Антиохия на Оронте, некогда блестящая столица Селевкидов, была для Востока крупнейшим политическим, торговым и культурным центром, где сталкивалось влияние эллинистического мира с культурными традициями соседнего Ирана и семитических народностей. Отсюда — интересный синкретизм верований и нравов; собственная школа в богословии; распространение тайных культов, магии и суеверий. Антиохия часто была ареной крупных социальных движений. История восточных ересей в значительной мере связана с Антиохией. Все это вызывает интерес к изучению Антиохии и сирийских церквей.

Дать очерк истории антиохийского патриархата в связи с его исторической географией и поставить себе задачей Р. Девреесс.

Точно понятая тема требовала изложить историю патриархата в намеченных автором хронологических рамках — от торжества христианства до арабского завоевания — осветить его внутреннюю жизнь и внешние отношения, его значение в истории христианской догмы, административные права по отношению к митрополиям и епископатам, его экономическое положение, значение в общественной жизни Антиохии и политических движениях восточной части империи, его связи с отдельными областями и народами огромной территории патриархата.

Более широко понятую задачу, которая соответствовала бы и заглавию книги, автор отклоняет. В его книге читатели „не найдут ничего или почти ничего, что относилось бы к внутренней жизни патриархата — к литературе, праву, литургике, учреждениям. Не ставит он себе целью проникнуть в детали гражданской или военной организации. Многочисленные надписи, среди которых много датированных, могли бы дать любопытные сведения об архитектуре, не говоря о технике“ (стр. X). То, что автор дает, это — „в некотором роде антиохийский патриархат, рассматриваемый извне“.

Можно выразить сожаление, что автор, так ограничивая тему, заранее лишает ее значительной части интереса. Ниже мы увидим, как автор выполнил свою задачу — рисовать патриархат „извне“.

Книга распадается на две части. Первая часть представляет очерк общей истории антиохийского патриархата — с объявления христианства государственной религией и до арабского завоевания. Вторая посвящена местной истории провинций и епископий, епископским спискам и перечню христианских памятников, включая эпиграфический материал, рассеянный на огромной территории патриархата.

Достаточно просмотреть заглавия отдельных глав первой части, чтобы понять, на чем сосредоточен интерес автора.¹ Вехами изложения служат ереси, начиная с арианства и кончая монофизитством и монофелитством, и соборы — с Никейского и по Халкидонский, включая соборы, примыкающие к Халкидонскому. Мелетианская схизма не вносит разнообразия в тематику, так как и она является выражением внутренней борьбы церковных партий.

Зарождение ересей, образование церковных партий и их взаимная борьба, вмешательство императоров в дела церкви, созыв соборов, выработка взроисповедных формул, правительственные репрессии, которым подвергаются несогласные с одобренным правительством вероисповеданием (причем гонимыми оказываются то „еретики“, то православные), связь церковных событий с внутривосточными, а равно и с международными отношениями и военными столкновениями, — в таком плане строится все изложение. Подходя к концу первой части, автор уделяет больше внимания международному положению империи на Востоке и сепаратистским движениям в Сирии и Палестине, связанным с монофизитством. Достаточно подробно изложены персидские войны при Маврикии, где отмечена между прочим роль антиохийского патриарха Григория (570—593). Еще подробнее рассказаны события правления Ираклия, его персидские войны и его религиозная политика, имевшая целью примирить монофизитов с православными и вызвавшая новую ересь монофелитства, новые споры и преследования, которые углубили взаимное отчуждение церковных партий. Но был уже близок конец самого патриархата, и Девреэсс подробно излагает (глава VII) историю завоевания Сирии и Палестины арабами (632—640), условия подчинения христианского населения победителям, уничтожение православного антиохийского патриархата и поддержку монофизитов со стороны арабов.

В какой мере можем мы назвать рецензируемый очерк историей антиохийского патриархата? Наш автор, подобно своим предшественникам, останавливается на вопросах, которые относятся прежде всего к общей истории византийской церкви или же к истории империи. Автор, правда, пытается оттенить роль антиохийского патриархата, но это ему мало удается, и в своем изложении он обычно вынужден, упомянув об антиохийских делах, опять возвращаться к общецерковным или общеимперским. В первой главе, посвященной арианству, рассказ ведется в рамках общей церковной истории и лишь попутно говорится об антиохийской церкви, где „ересь произвела большие опустошения“. В главе о мелетианских распрях речь идет не столько об Антиохии и самом Мелетии, сколько об Афанасии Александрийском, который своим вмешательством, поддержав противника Мелетия — Павлина, закрепил смуту, а с другой стороны, о той горячей и продолжительной деятельности, которую развернул как на востоке, так и в Риме в пользу Мелетия Василий, епископ Кесарии Каппадокийской. В поисках наиболее спокойного периода, сколько-нибудь свободного от церковной борьбы и смут, Девреэсс указывает пятидесятилетие с 330 по 430 г.; за это время антиохийская патриархия переживает расцвет своих сил и влияния. Рассказывая об Эфесском соборе, наш автор увлечен потоком общецерковных событий, и Антиохия отодвинута на задний план. Тем более это

¹ Вот эти заглавия: 1. Арианство. 2. Мелетий (т. е. мелетианская схизма). 3. Второй и Третий вселенские соборы. 4. Эфес и Халкидон. 5. Неудача Халкидонского собора: монофизитство. 6. Тринеизм и двойная иерархия. 7. Завоевания и крушение патриархата.

нужно сказать о периоде несторианских и монофизитских споров, о времени упорной церковной борьбы.²

Все эти явления и события имеют общецерковное и общеимперское значение, а особая роль в них антиохийского патриархата у нашего автора ничем не выделена. Только широкое распространение монофизитства в Сирии и Палестине можно считать явлением до некоторой степени характерным для сирийского Востока. Когда на антиохийскую кафедру вступил Север (512—538), а особенно при Якове Барадее, монофизитство окончательно восторжествовало в патриархате.

Однако было в истории патриархата особое, вновь сложившееся явление, имевшее важные политические последствия: происходит сближение с арабскими вождями монофизитов и их постепенный отрыв от империи. Антиохийская кафедра теряет свое значение для христиан Сирии, так как ее занимает „халкидонит“, т. е. „еретик“ и подданный императора. Отныне директивы сирийским христианам и монастырям идут из пустыни, от арабских вождей. Из этой политико-религиозной ориентации вытекают и административные меры: монофизиты или яковиты ставят своего сектантского епископа рядом с православным, если не могут его устранить совсем.

„Теперь враг может придти, — восклицает Девреесс, — двери открыты. Кто бы это ни были — персы или арабы, если только они явятся в качестве врагов императора, его чиновничества и их теологии, — они будут приняты как освободители“ (стр. XIII). Здесь и лежит, по мнению автора, объяснение, почему менее чем в десять лет Палестина и Сирия попали в руки арабов: успех мусульман был подготовлен глубоким вероисповедным разделением. Сами не предвидя того, монофизиты открыли путь для завоевателей: в 632—640 гг. Сирия и Палестина оказывали прием не исламу, а врагу Константинополя и его символа. О том, что за вероисповедным разделением крылись более глубокие социально-экономические факторы, Девреесс, как увидим ниже, и не догадывается.

Таким образом, пред нами не история антиохийского патриархата, а общая церковная история, тесно связанная с политической историей империи, куда вкраплены антиохийские события. Девреесс и сам предвидел эту опасность — уклониться от темы в указанную сторону; но его попытки дать именно антиохийскую историю успехом не увенчались. С другой стороны, желая ограничить свою задачу изложением внешней стороны жизни антиохийского патриархата, Девреесс подробнейшим образом излагает историю догматических движений. Но, во-первых, история идеологий, правильно понятая, поставленная в связь и обусловленная историей социально-экономических отношений, относится не к внешней, а к внутренней истории. А во-вторых (и это главное), самое построение всего исследования, в основу которого положена история догматических движений и в котором делаются попытки объяснить крупные социальные и политические явления вероисповедными разногласиями, в корне порочно: оно принимает за причину то, что является только следствием.

² К каким мерам борьбы со своими противниками прибегали епископы, показывает случай, рассказанный Афанасием и Феодоритом и относящийся ко времени арианских споров: чтобы скомпрометировать противников, приехавших на совещание, местный епископ (дело было в Антиохии) ночью подослал к ним продажную женщину, обещав ей встречу с молодыми людьми. Убедившись, что ее обманули, женщина поспешила скрыться. Скандал дошел до императора Констанция, и виновник потерял епископскую кафедру.

В историю церковных событий — времени Эфесского собора, первых лет монофизитства — автор мог внести некоторые подробности, освещенные им в ранее напечатанных журнальных статьях. Но если мы хотим искать у него новых точек зрения в более важных вопросах его темы, мы их не находим: его мысль движется по известным, ранее проложенным путям, и незаметно стремления углубить понимание исторических явлений.

Остановимся на некоторых моментах. В качестве итогов своей работы Девреесс указывает причины, которые, по его мнению, привели к гибели сирийских поместных церквей и антиохийского патриархата. Основное зло в зародыше крылось, по его утверждению, в религиозной политике Константина I. Объявив себя „епископом внешних дел церкви“, вмешиваясь в церковные дела, законодательствуя и навязывая свои взгляды в вопросах веры, группируя около двора епископат, послушный его замыслам, император продолжал по отношению к христианству роль, которую его предшественники играли для религии язычников, т. е. роль государя по отношению к своим подданным. Преемники Константина держались той же политики. Церковь потеряла свою свободу, — и в этом основная причина гибели сирийских церквей и антиохийского патриархата. Рядом с этой причиной и в связи с нею стоит другая — поведение епископов, которые, уступая во всем воле императора, отчасти по слабости и трусости, отчасти по духу искательства, ввели в христианское общество интриги, зависть, раздоры, делавшие невозможным спокойное обсуждение новых проблем и догм. Этими двумя язвами страдали поместные церкви.³

Итак, цепь рассуждений нашего автора такова: восточная церковь потеряла свободу; епископат угодничает пред императорской властью; свободное исследование религиозных проблем невозможно: отсюда — ереси; среди последних — важнейшая для Востока ересь монофизитства; она отрывает сирийские церкви от Византии, подготавливает и облегчает победу арабов, и ислам уничтожает православный антиохийский патриархат.

Эта логическая цепь совершенно порочна и скользит по поверхности важных исторических явлений, не задевая их корней. Допустим, что церковь до Константина была свободна, несмотря на гонения, хотя бы при Диоклетиане; пусть свобода давала ей полную возможность обсуждать вопросы догмы. Откуда же гностицизм, манихейство, монтанизм и т. д.? Или церковь не имела свободы — тогда ей нечего было терять от союза с государством при Константине; или она была свободна, но свобода, как видим, не исключала возможности ересей, другими словами, ереси возникают из каких-то других причин, а не из-за отсутствия свободы богословского обсуждения.

Если многие епископы запятнали себя угодливостью пред властью и недостойным поведением, то объяснять этим церковно-политические потрясения совершенно недостаточно; причины лежали глубже. Было бы наивно ставить, например, разделение церквей в IX—XI вв. в связь только с поведением епископата, забывая, что здесь действовали длительные и серьезные социальные, политические и культурные факторы.

• Что касается монофизитства, которому автор придает такое исключительное значение в судьбах Востока, то здесь необходимо выяснить: на чем основывалась движущая сила этой ереси, как и вообще всяких ересей.

³ Автор указывает и третью причину: домогательства со стороны александрийской церкви первенства на Востоке, включая Константинополь. Эту причину, как менее важную, мы оставляем в стороне.

Автор склонен думать, что вероисповедное разногласие само по себе способно было произвести отрыв Сирии и Палестины от империи: „Для монофизитов Константинополь уже не имел значения; более того, всякий контакт с империей вызывал ужас. Одна идея утвердилась в головах этих неистовых спорщиков: „Credo Константинополя и верующих империи — не наше; греки и их император — наши враги“ (стр. 96).

Дело здесь вовсе не в религиозных спорах. Если ересь захватывала широкие круги народных масс, сирийцев и арабов, то потому, конечно, что здесь имели силу более глубокие социальные факторы, — она являлась одной из форм классовой борьбы. „Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени... Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“. „Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания“.⁴

В отчуждении Сирии и Палестины от империи нужно видеть, прежде всего, результат социального угнетения, социальной борьбы. Златоуст не раз с церковной кафедры обращал внимание паствы на тяжелое положение бедноты и требовал от богачей известных жертв в пользу бедных. Эти напоминания настолько энергичны и так часто повторялись, что едва ли они вытекали из общей евангельской морали, и в них естественнее видеть отражение социальных язв общества. Вот что говорит Златоуст о деревенском населении: это люди, измороженные голодом, „которые работают без отдыха всю свою жизнь, удрученные нестерпимыми оброками, осужденные на гнетущую нужду... Им не дают дышать и их одинаково обирают, плодоносны ли их поля, или бесплодны. Может ли быть нищета, подобная их нищете, когда они в конце зимы, проведенной в самой грубой работе, изнуренные холодом, дождем и целодневными трудами, возвращаются домой с пустыми руками? Они трепещут пред наказаниями, пред незаконными поборами и грабительством правителей“.

Не лучше было положение и городских низов, так что понятно народное возмущение финансовой политикой Константинополя. Когда в 387 г. в Антиохии были объявлены новые, повышенные налоги, в городе вспыхнуло возмущение, разъяренная толпа сбросила статуи императора и императрицы и готова была провозгласить нового императора. Народное движение было подавлено, но оно весьма показательно. Христианская империя несла подчиненным народам не только религиозные идеи, она требовала денег. Тяжесть налогов в Византии и способы их взимания известны. „Что может быть хуже сборщиков налогов!“ — восклицал Златоуст с церковной кафедры. Но дело было не в одних сборщиках, а во всей администрации и суде. Общественных должностей люди домогаются только „для того, чтобы найти повод к грабительству, — чтобы делать, с одной стороны, бесполезные раздачи, а с другой — угнетать подчиненных“. В суде нет защиты. „Судьи носят

⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

только название судей, в действительности это воры и убийцы“.⁵ Жадность торгового класса не знает границ. Еще Иероним называл сирийских купцов самыми скучными людьми из всех смертных. Когда антиохийцы жаловались императору Юлиану на дороговизну съестных припасов, тот объяснил, что дороговизна создана не голодом или неурожаем, а жадностью богачей и торговцев. На сирийских окраинах произвол сборщиков и администрации и ограбление населения проявлялись еще разнузданнее, чем в центре государства. Недаром арабы-завоеватели назначали жителям осажденных городов при их сдаче льготные податные условия.

Помимо основных, определяющих социальных факторов, могло сказываться, в качестве фактора производного, племенное отчуждение. Уже перевод церковных книг на сирийский язык говорит о стремлении сделать церковь народной, сирийской. Арабские племена, принявшие христианство, оказывались в момент арабских завоеваний в двойственном положении: религия привязывала их к христианской Сирии, племенное происхождение тянуло в другую сторону, и когда ислам выступил в качестве организатора и объединителя племен под знаменем новой веры, арабы-христиане выступили против империи. Конечно, от автора, на книге которого стоит сакраментальное *Imprimatur*, мы не можем ожидать особого внимания к социальным факторам; но доискиваться подлинных причин важных исторических явлений, о которых он говорит, он обязан. Этого он не сделал.

Поэтому не вызывает удивления и трактовка Девреессом цирковых партий и их борьбы. Он повторяет давно устаревшие, даже для буржуазных ученых, взгляды на партии, как на исключительно спортивные организации, добавляя лишь то, что во время цирковых смут „в Антиохии, как и везде“, неразборчивые в средствах люди пользовались беспорядками, чтобы свести свои личные счеты с неприятными людьми. Между тем, если автору недоступна работа Ф. И. Успенского,⁶ — он, очевидно, не знает русского языка, — то статью Манойловича он мог читать во французском переводе. Но автор не заинтересован поисками новых точек зрения.

Здесь уместно отметить резкую разницу между старой порочной методологией буржуазного ученого-католика и марксистской методологией советской исследовательницы Н. В. Пигулевской с правильным освещением явлений, с исканием углубленного анализа исторических фактов. В своей книге об отношениях Византии и Ирана на рубеже VI и VII вв. Н. В. Пигулевская касается некоторых событий, близких к антиохийскому патриархату.

Мы упоминали неудовлетворительное и давно устаревшее понимание у Девреесса борьбы цирковых партий; у Н. В. Пигулевской можно

⁵ Златоуста иногда называют „народным трибуном“. Это неверно. Проповедник был способен горячо восставать против пороков общества, против угнетения и нищеты, но он был далек от мысли отвергать существующий политический, а тем более социальный порядок.

⁶ Статья А. П. Дьяконова Византийские димы и факции в V—VII вв. вышла одновременно с разбираемой нами книгой. — „Византийский сборник“. М. — Л., 1945, стр. 141—227. Еще позднее вышли книга Н. В. Пигулевской. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. — Л. 1946 и статья М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. — Виз. Врем., т. I (XXVI), 1947, стр. 164—183. Трудом названных советских ученых вскрыта подлинная сущность византийских димов и факций и показано, что борьба цирковых партий имела в основе борьбу классов византийского общества.

читать на эту тему целый обширный отдел (стр. 129—164), где выяснена социальная основа димов и их борьбы. Советская ученая вскрывает глубокие социальные корни народных волнений (стр. 137—138). Так, в 507 г. в Антиохии, при непосредственном участии цирковых партий, произошли крупные волнения; хотя они и были усмирены жестокими мерами, однако вслед за тем правительство отменяет тяжелую подать — хрисаргир, которою облагалось городское население и которую „наиболее тяжело было выплачивать низам города, так как любой труд, любое поделье подлежало обложению. Его взимали за осла, перевозившего тяжести, с блудницы, торговавшей своим телом“ (стр. 138). Дело не ограничилось отменой хрисаргира, власти были вынуждены принять и другие меры, имевшие целью несколько облегчить положение трудового населения и успокоить его; в городе начались общественные постройки, требовавшие немало рабочих рук.

Далее и Девреесс и Н. В. Пигулевская говорят о выступлении антиохийского патриарха Григория в качестве примирителя двух враждующих военных партий в византийском войске на восточном фронте во время войны с персами при Маврикии. Девреесс в двух строках отмечает патриотическое действие Григория: он созвал всех начальников, включая младших, и умиротворил их (стр. 98). Но на чем покоилось влияние Григория в военных кругах, мы не видим. Повидимому, автор предполагает, что авторитет Григория держался на его высоком духовном сане в соединении с почтенными личными качествами. На это можно заметить, что армия в походе, тем более солдатская масса, едва ли много думала о церковных чинах. У Н. В. Пигулевской читаем (стр. 77): „Другим лицом, на которое возлагали надежду успокоить смятенные войска, был Григорий, епископ антиохийский, к которому Маврикий обратился с письмом весною 589 г. Григорий был в чести у войска, так как снабжал его деньгами и провиантом“ (разрядка наша). Это убедительно и согласно с источниками.

Девреесс, как мы видели, пытается объяснить такой факт большого политического значения, как отчуждение монофизитской Сирии и Палестины от империи, исключительно догматическими разногласиями и ересями. Мы видели, что это утверждение неверно. Но в связи с этим отметим у Н. В. Пигулевской еще одну мысль, свежую и правильную, что в Византии, следовательно, и в Сирии „были в наличии многочисленные группы людей, мало заинтересованные в клерикальных спорах, которые так захватывали участвовавших в них немногих современников, что они считали их интересными для всех и высказывали эту свою точку зрения, долго вводившую в заблуждение и историков“ (стр. 115). Думаем, что это заблуждение, действительно, давно пора исправить и ввести в исторически правдоподобные рамки степень византийской, а может быть, и вообще средневековой религиозности. Может быть, не так уж неправ был император Юлиан, когда, раздраженный упорным и насмешливым сопротивлением антиохийцев (христиан и язычников безразлично) проводимой им реставрацией язычества, он в своем Мисопогоне, давая знаменитую убийственную характеристику жителей Антиохии, с желчью заявляет: „Большая часть народа исповедует атеизм“. Пусть здесь значительная доза преувеличения. Однако и Златоуст, лет 20 спустя после Юлиана, не мог похвастаться большими результатами своих „вдохновенных“ проповедей. Так, он пытался бороться с непреодолимую страстью своей паствы к театру и цирку и не раз произносил громовые проповеди против зрелищ; его слушали с захватывающим вниманием, награждали бурными аплодисментами, а затем,

не дождавшись конца церковной службы, уходили из храма и спешили... в театр или на ипподром.

Ближе к истине те из современных нам церковных историков, которые отличают действия иерархов той эпохи от настроений народной массы. „Народ посещал богослужение и раздачу милостыни, не слишком беспокоясь о партиях в высшем духовенстве, предоставляя ученым богословам изощряться в прениях, подкрепляемых большим количеством текстов, а соборам постоянно перерабатывать заново формулировку символа веры“.⁷

Преувеличивать значение самих религиозных споров отнюдь нельзя. За ними крылись более серьезные причины, лежавшие в социально-экономических условиях, в жизни широких народных масс, в нищете крестьянства, жалком положении городских низших классов, в нестерпимом налоговом гнете, в разнузданном произволе администрации. Социально-экономический гнет, испытываемый населением Сирии и Палестины и охарактеризованный выше словами современников, отрывал эти обширные и важные окраинные страны от империи, толкая их в руки завоевателей-арабов и принесенного ими ислама. Религиозные споры и „ереси“ — это рябь на поверхности мощных народных движений.

Для правильного понимания и глубокого осvětления народных движений и социальных потрясений нужны, очевидно, иные методологические приемы, которыми не располагает автор разбираемой нами книги и которые вообще несовместимы с буржуазной и тем более с католической идеологией.

Итак, в своей книге Девреесс руководился в корне порочной методологией, что и привело его к неизбежным ошибкам и извращениям: он принимает следствие за причину, вместо углубленного анализа крупных исторических явлений и социальных движений ограничивается их поверхностным описанием, оставаясь на позициях устарелых и ложных историографических концепций и лишая себя возможности дать новые, свежие идеи и выводы.

Переходим ко второй части. Она распадается на восемь глав и представляет обзор отдельных митрополий антиохийского патриархата, начиная с самой Антиохии. Истории города Антиохии автор не касается. Его интересуют в первую очередь христианские памятники Антиохии, отмеченные у древних авторов или выявленные современными археологическими изысканиями; на втором месте стоит характеристика самих антиохийцев, на третьем — списки патриархов и, наконец, церковная организация патриархата (гл. VIII). Последняя глава (XV) посвящена анализу *Notitia Antiochena*.

Сама Антиохия, естественно, занимает у автора первое место. Больше всего внимания уделено характеристике антиохийского населения, где использованы отзывы Юлиана и Златоуста.⁸ Пред нами встает живая картина огромного, по тогдашним масштабам, города, неугомонного, с подвижным, легкомысленным, распущенным населением. Богатые классы гонятся за роскошью, землевладельцы и торговцы — за незаконной наживой; и верхи и низы общества охвачены страстью к зрелищам — театру, ипподрому. По Юлиану, в городе больше плясунов, флейтистов, мимов, чем граждан. Он утверждает, что антиохийская молодежь предается бесконечным дебошам; женщины пользуются необузданной свободой. Златоуст отмечает и суеверие народной массы.

⁷ Л. Дюшен. История древней церкви. 1914, стр. 183.

⁸ Автор пользуется книгой Allard (1910) и обходит молчанием гораздо более авторитетную работу T. Videz (1930).

Пользуясь отзывами Юлиана и Златоуста и рассказом о поведении антиохийцев во время процесса о низвержении императорских статуй, автор не пытается внести никаких оговорок, хотя Юлиан писал под влиянием несомненного раздражения против антиохийцев за их оппозицию его делу, а Златоуст, горячий проповедник, сгущал краски в порыве ораторского увлечения.

В очень небольшом разделе о церковной организации (стр. 119—123) содержатся краткие и мало определенные сведения о правах патриарха и более точные о положении и правах митрополитов, хотя и здесь мы ничего не находим о праве суда, о доходах митрополитов и поборах в их пользу. Разряды низшего духовенства только перечислены; по вопросу о неполном ясных функциях хорепископов и периодевтов у автора нет никаких разъяснений.

Во второй части книги Девреесс добросовестно собрал достаточно обширный историко-географический материал, составил списки иерархов, дал полезный перечень христианских памятников и надписей с указанием, где имеются о них сведения.⁹ Однако он не дал никакого анализа отмеченного материала. Мы узнаем, например, где изданы надписи, но о содержании и исторической ценности их никаких указаний не встречаем. Обобщений и выводов нет, — обработка материала предоставляется другим.

Приложенные схематические карты провинций заимствованы у разных авторов (Honigmann, R. Sussaud, больше всего из *Publication of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria in 1904—1905*). Карты, числом 11, даны в разных масштабах и, к сожалению, не сведены в дополнительную общую карту, которая давала бы более полное представление о Сирийском востоке. В общем, материал второй части книги Девреесса является полезным справочником, которым воспользуются будущие исследователи.

Порочность методологии, пренебрежение к анализу социально-экономических факторов помешали автору вскрыть истинные причины ожесточенной борьбы между отдельными направлениями восточной церкви в Антиохийском патриархате.

Ф. М. Россейкин

LOPEZ, ROBERT SABATINO. SILK INDUSTRY IN THE BYZANTINE EMPIRE.

Speculum XX, 1 (1945), 1—42.

Статья Р. С. Лопес о производстве шелка в Византийской империи и шире и уже своего названия. Она уже названия, ибо ее хронологические рамки охватывают только IV—X вв., лишь изредка она затрагивает XII в. Судьбы поздневизантийской шелковой индустрии остаются вне поля зрения автора. Но статья Лопес и шире своего названия, ибо она затрагивает не только производство шелковых тканей и торговлю шелком, но трактует некоторые важные вопросы экономической истории византийского города в IV—X вв.

⁹ На стр. 161 указана важнейшая использованная им литература. Ни в этом месте, ни на других страницах мы не встречаем ни одной русской книги; не упомянуты работы Н. А. Медникова, Н. П. Кондакова, „Известия Русск. археол. института в Константинополе“